

Итак, конец 90-х. Искандеру 70 лет, он удостоен всех званий и наград — но и главные книги его уже написаны. И тиражи переизданий неуклонно ползут вниз после перестроечного книжного бума. Как живет автор «Сандро из Чегема» и «Детства Чика» в сложную для страны эпоху?

Премии, награды и немного политики

Пожалуй, именно с конца девяностых годов, то есть со своего семидесятилетия, Фазиль Искандер приобрел статус абсолютного классика, причем в глазах, кажется, всех. И власти, и интеллигенции, и читателей. Ну а классику — соответствующие почести.

Слава богу, он многое успел получить при жизни, особенно в последние годы. Награды Искандер принимал с врожденной учтивостью и чувством собственного достоинства. Рядом с ним любой вручающий чувствовал, что удостоен великой чести — награждать Классика и Патриарха словесности.

Он получил орден «За заслуги перед отечеством» трех степеней — к 70-летию, 75-летию, 80-летию. Еще две Государственные премии — в 1994 году и в 2014-м (стало быть, к 65-летию и 85-летию). Премия Правительства России вручена в 2011-м. Тогда же (в один год!) Искандер получил и «Большую книгу», и «Ясную Поляну». Так сказать, по совокупности заслуг — и, как вполне справедливо указывала номинация «Большой книги», «За честь и достоинство». Плюс премия «Триумф», самая престижная в то время из негосударственных (1999). Плюс премия Бунинская (2013).

Много говорилось — и тогда, и после смерти Искандера — о том, что он достоин и Нобелевской премии. Как ни относиться к этому трофею, как ни вспоминать тех, кто остался без него, Нобелевка могла бы достаться Искандеру совершенно заслуженно. В конце концов, получил же ее латиноамериканский прозаик Габриэль Гарсиа Маркес, родившийся в тот же день, 6 марта, только на два года раньше (напомним, с ним Искандера часто сравнивали и по поводу, и без повода)...

Более того, Искандера на Нобелевскую премию выдвигали. Об этом говорил Евгений Евтушенко — мол, выдвигал он лично. Инициативная группа петербургского библиографа Евгения Белодубровского выдвигала кандидатуру Искандера в 2012 году, а в 2013-м — президент Русского ПЕН-центра Андрей Битов (в 1998 году он же, кстати, выдвигал и Беллу Ахмадулину, тоже этой премии вполне, по нашему мнению, достойную). В своем письме в Нобелевский комитет Битов писал:

«...я отваживаюсь поставить его роман «Сандро из Чегема» в один ряд с величайшими произведениями европейской литературы, такими как «Дон Кихот» и «Бравый солдат Швейк». Я считаю его роман лучшим портретом рухнувшей империи.

В те времена, когда он писал особенно активно, считалось недостаточным быть просто хорошим писателем. Произведения должны были быть подкреплены честностью автора, и Искандер хорошо известен своей твердой приверженностью гуманистическим ценностям.

Будет огромным упущением, если этот писатель не получит того признания, которое он заслуживает».

Дошло ли дело до реального обсуждения кандидатуры автора «Сандро из Чегема», неизвестно — Нобелевский комитет тайны процедуры раскрывает только полвека спустя.

Искандер всегда держался, условно говоря, либеральной повестки, пока любая политическая повестка не стала ему безразлична.

При этом он критиковал не только правительство и правительства, но и всю демократию в целом. В 2004 году в Мюнхене, комментируя свой рассказ «Мальчик и война», Искандер прямо сказал, что в бедах общества виновата система всеобщих

выборов и элиту государства надо определять каким-то совсем иным путем, более тонким. Во власти нужны люди умные и проницательные, а не популисты, стремящиеся во всем угодить толпе.

Может быть, полнее всего эта идея выражена в статье с очень важным, принципиальным для Искандера названием «Государство и совесть».

«Начинать надо с правительства. Нам нужно правительство алмазной чистоты и прозрачности, и чтобы народ поверил в эту чистоту, и тогда он воспрянет духом. Но что надо сделать, чтобы народ в это поверил? Надо быть такими и никакими другими. Сто абсолютно чистых, толковых людей — и есть правительство. Но где их взять? Они есть кругом и в самом правительстве. Достаточно найти десять таких людей и эти десять приведут с собой остальных. На это понадобится не более двух-трех месяцев. Кристалл алмазной честности на вершине власти обязательно вызовет постепенную кристаллизацию всей пирамиды. На эту пирамиду снизу будет давить воспрянувший духом народ, а он воспрянет духом, видя, что вершина власти чиста, а сверху будет давить вершина в силу своего нового состояния»¹.

Такая вот утопия по Искандеру!

Евгений Водолазкин вспоминает о своем знакомстве с Искандером на 90-летию академика Лихачева:

«1996 год. Торжественная часть проходила в здании петербургской Академии наук, а неформальная — в Юсуповском дворце. Этот дворец словно создан для неформальных событий — разного свойства.

В Юсуповском дворце царила непринужденность. В огромном зале были расставлены круглые столы, за каждым из которых сидело по несколько человек. Нам с женой тогда повезло: мы оказались за одним столом с Искандером. На мое предложение выпить Фазиль Абдулович неожиданно ответил по-немецки: «Abgemacht!» («Договорились!»). Под знаком этого слова

¹ Искандер Ф. Государство и совесть // Искандер Ф. Паром. URL: https://mir-knig.com/read_250971-44.

прошел весь вечер. Я наполнял стопки, а Искандер неизменно кивал: «Abgemacht».

Но самое главное — тост Искандера. «Когда я смотрю на этот зал, — трескуче произнес Фазиль Абдулович, — мне кажется, что произошла революция...» Выдержав мхатовскую паузу, Искандер закончил: «И к власти пришла интеллигенция». Интеллигенция к власти не пришла — ни тогда, ни потом. Она нигде не приходит к власти. Да и зачем ей власть?»²

Как видим, тема «Интеллигенция и власть» волновала Искандера постоянно. В отличие от автора мемуаров в том, что интеллигенции необходима власть, он не сомневался — но и понимал, что это невероятный поворот...

Не раз в новом веке у Искандера спрашивали об отношениях Грузии и Абхазии, об отдаленных последствиях войны, которая закончилась в прошлом десятилетии. Может быть, закончилась, а может быть, еще длится, особенно в сердцах тех, кто потерял близких. 8 июля 2004 года Искандер писал в «Новой газете»:

«После страшной войны, навязанной этой администрацией (властями Грузии — *Е. П., М. Г.*), жизнь вместе в одной республике невозможна. Невозможна, когда во всех школах Абхазии висят портреты старшекласников, убитых на этой войне. Чья рука подымется снять эти портреты? Жертвы безумной войны для трехмиллионного народа выглядят все же не так, как жертвы стотысячного народа.

Сейчас и в Абхазии, и в Грузии нужен долгий, прочный мир, пробуждающий созидательный пафос. В более отдаленном будущем, когда время затянет раны, нанесенные войной, наши народы сами решат, как им жить».

При этом он публично поддержал позицию России по южноосетинским событиям 2008 года и особенно последовавшее за этим признание Абхазии. Политику тогдашнего президента

² Последняя реальность оптимизма. Писатель Евгений Водолазкин — об огромном мире Фазили Искандера // Известия. 2019. 5 марта. См. также: URL:<https://iz.ru/852537/evgenii-vodolazkin/posledniaia-realnost-optimizma>.

Грузии Искандер назвал авантюристической и в интервью Ольге Кучкиной, корреспонденту «Комсомольской правды», 20 августа выразился о Саакашвили так:

«Мне кажется, что вот эти агрессивные действия политиков вызываются тем, подсознательно, может быть, что они с приходом к власти не умеют найти пути улучшения жизни народа, пути достижения более или менее гармонического его состояния. А война — такой грубый, но достаточно, к сожалению, сильный способ доказать, что, ну, сейчас нам не до этого, вот кончится война, тогда... Поднять уровень жизни грузинского народа Саакашвили, видимо, не может и применяет этот способ»³.

Фазиль Искандер и в последние годы бывал в Абхазии, поддерживал связи с абхазской диаспорой, был в ней старейшиной, и относились к нему соотечественники всегда с уважением и почтением.

Поздняя проза

В конце девяностых — начале десятых книг у Искандера вышло немало, но тиражи с прежними сравниться не могли. Собрание сочинений, вышедшее в издательстве «Время» в 2003–2008 годах, имело тираж всего три тысячи экземпляров. Что поделать — какие времена, такое и «Время»! Звучит банально, но иначе не скажешь.

В 1999—2004 Искандер напечатал более двадцати новых рассказов. Как правило, это небольшие истории из современной жизни, не претендующие на глубокие обобщения, но полные социальной критики, иногда очень меткой.

Вот рассказ «День писателя» («Новый мир», №4, 1999), написанный от первого лица. Писатель едет в поликлинику за рецептом на снотворное. Описывает трагикомические перипетии

³ Кучкина О. Фазиль Искандер: «Война — грубый способ доказательства // Комсомольская правда. 2008. 20 августа.

добывания рецепта. Встречи на улицах и в метро. Свободный полет ассоциаций. Подборка фирменных афоризмов. Уличные торговцы чуть ли не силой продают ему ненужные перчатки и кашне. Телепрограмма заполонена рекламой. Остается только принять снотворное и забыться.

Можно выделить из этого ряда рассказ с броским названием «Антип уехал в Казантип» («Знамя», № 1, 1999). Он написан рашным стихом! И сам по себе — остросатиричен.

Процитируем бóльшую часть этой миниатюры, безусловно, для Искандера экспериментальной. И обратите внимание, как свеж и задорен этот стих.

«Где Антип?

— Уехал в Казантип!

— Ну и тип!

— Кто? Антип?

— Да и ты хорош. Скажи честно, где Антип?

— Честно говорю — уехал в Казантип.

— Ну и тип! Он деньги у меня брал в долг. Мы же договорились с ним о встрече.

— Еще не вечер! Про должника намекну слегка: вернет или вильнет! Ты бы и мне одолжил рублей сто.

— Еще чего!

— Чтобы равновесило, как коромысло... Вижу, морда скисла. Зато я уговорю Антипа вернуть твой долг. Ты мне — Антип тебе. Обоим выгода, да и другого нет выхода!

— Я вижу, ты шутник!

— Пока не повесили за язык! Такие, как я, для народа — глоток кислорода. Время выпало из времени и волочится в темень. Наша демократия — для воров Аркадия. Обычай волчий — воруют молча. Эх, времечко, времечко! Один я, как попугай на семечки, зарабатываю языком... Лучше разбойная власть, чем власть разбойников. Таково мнение живых и покойников. До меня как до сельского поэта доходят голоса с того света.

— А что нового у вас здесь?

— Один сельский идиот уже который год, живя в городе, выдавал себя за городского сумасшедшего. Наконец власти его разоблачили, маленько подлечили и водворили его в места

первоначального идиотизма. Кстати, не чуждые и властям. Он у нас. Мы рады гостям.

— А что он делает?

— Скрещивает фейхоа и помидоры. Или водит туристов в горы. А когда делать нечего, опять выдает себя за городского сумасшедшего. При этом доказывает с толком, что село стало поселком. И потому он не сельский идиот, а совсем наоборот. У него такое мнение, что его изба — имение. Приватизированное. Но сам он горожанин, а иногда парижанин.

— Черт возьми! Кажется, в России сельский поэт мудрее всех. Тогда скажи мне, что такое коммунизм и что такое капитализм?

— Это просто, как морковь! Коммунизм — кровь. Капитализм — дерьмо. Кто при коммунизме нанюхался крови, тот с надеждой смотрит на капитализм и не слышит запаха дерьма. Нема! А кто при капитализме нанюхался дерьма, тот с надеждой смотрит на коммунизм и не слышит запаха крови. Нюхай на здоровье!

— Так что же, в конце концов, у нас?

— Запах — вырви глаз! Бастурма из крови и дерьма! Россия никак не научится сопрягать. А надо, ядрена мать, сопрягать свободу и закон. У нас закон: выйди вон! Свобода в башке что кот в мешке! У нас как сопрягать, так и лягать!»

Такая вот публицистичность и бодрость, которую, кажется, и не ожидаешь встретить у семидесятилетнего патриарха, классика и все такое прочее.

Публиковались и «настоящие» стихи, отнюдь не экспериментальные — по-прежнему в ведущих журналах.

Мир потускнел в два раза,
В два раза ослабло зренье.
Что было вредно для глаза?
Видимо, все-таки тренье
Между тем, что я видел,
И тем, что видеть велелось,
Я никогда не предвидел,
Что так расплачусь за смелость...

Как нечто среднее между стихами и прозой там и тут печатались афоризмы. Вот некоторые из них:

«Слава греет и взбадривает, когда светит издалека. Вблизи она вульгарна, нагло вторгается в личную жизнь.

Истинный талант с детства, сталкиваясь со сложной мыслью, запоминает ее, как мелодию. И уже взрослым он расшифровывает эту мелодию.

Как часто умные люди не понимают совестливых. Аппарат совести тоньше устроен, чем аппарат ума.

Высшее достижение литературы — смеяться над своим героем и его же любить.

Пессимизм лучше уныния. Пессимизм — тоска по полюсу добра, следовательно, признает его существование. Уныние вообще не видит никаких полюсов.

Боевитость — советская черта, даже если это антисоветская боевитость.

Стоит вырваться из несвободы в свободу, как мы убеждаемся в банальности свободы, и опускаются руки. Но надо взглядеться в эту свободу, чтобы увидеть в ней новую несвободу и бороться с ней. И так до бесконечности.

Коммунисты, овладев Россией, все время обрушивали все традиционные формы жизни. Даже уходя с исторической сцены, они и свободу ухитрились обрушить на наши головы.

Либеральные реформы в России надо было проводить под консервативным контролем.

Разумный человек должен быть одновременно либералом и антилибералом, консерватором и антиконсерватором, почвенником и антипочвенником, и так далее. Огромная, меняющаяся действительность требует каждый раз конкретного решения, соответствующего повороту действительности.

Революция — народная истерика. Не надо доводить народ до истерики».

Золотые слова, не потерявшие своего значения вплоть до сегодняшнего дня.

Однако вершинами последнего этапа работы Искандера можно считать две повести — «Думающий о России и американец» («Знамя», 1997, № 9) и «Поэт» («Новый мир», 1998, № 4).

«Думающий о России...», названный автором эссе-диалогом, стал основой некогда популярной постановки Театра сатиры «Привет от Цюрупы!» (2004). Роли исполнил популярный дуэт Александр Ширвиндт — Михаил Державин, режиссером стал Сергей Коковкин.

В спектакле — а особенно в его телеверсии того же года — все веселее, в повести (или все же рассказе, жанр тут определить сложно) — мрачнее. Сентенции, изрекаемые героями (американским туристом и отечественным мусорщиком), хоть и смешны, точны, но весьма горьки. В общем, из того же ряда, что и Антип с его Казантипом.

«—...что делают в России! Какими делами занимаются? Дело, дело какое-нибудь есть?»

— В России думают о России. Это главное дело России.

— Ну, хорошо! Если думать о России — главное дело россиян, то какое-нибудь второстепенное дело у них есть? Какие-нибудь люди в России есть, кроме тех, которые думают о России?

— Ах, вы про остальных? Так бы и сказали. В России многие думают о России, а остальные воруют».

И через несколько реплик:

«— Ладно. Это не главное. Но из ваших слов получается, что в России воруют и те, кто ворует, и те, кто думает о России. Я не вижу между ними разницы. А вы видите?»

— Да, иностранец нас никогда не поймет! Огромная, принципиальная разница! И мы на этом настаиваем! Те, кто думает о России, подворовывают в свободное от российских дум время. А у них этого времени так мало! А те, кто ворует, думают о России в свободное от воровства время. И у них этого времени тоже мало. Получается колоссальная разница! Главное, как человек проводит свое рабочее время, а не свободное.

— Удивительное дело! У нас на Западе мы привыкли уставать от работы и отдыхать за разговорами. А здесь, в России, я постоянно устаю от разговоров! Скажу честно: я и от вас устал».

Вещь получилась для Искандера тоже экспериментальная, но и вполне достойная его ранней юмористики.

«Поэт» — авантюрная, полная юмора история жизни некоего стихотворца. По объему — последняя из крупных вещей

Искандера. Юмор мрачноватый, но вполне бесшабашный (даже эротические сцены есть). Этот самый поэт, вечно попадавший в разного рода передраги по своей принципиальности и опять-таки «безбашенности», в конце получает Государственную премию из рук самого Ельцина. Искандер и любит своего героя, и посмеивается над ним. Это отнюдь не альтер эго автора, хотя некоторые подробности собственной жизни Искандер своему Юрию Сергеевичу подарил — ту же работу в провинциальной газете. А внешне и по манерам, да и по некоторым фактам биографии, как нам показалось, герой чем-то напоминает и Евгения Рейна, и Евгения Евтушенко. Вполне почетно!

И автор-повествователь, и сам Юрий Сергеевич рассказывают читателю множество занятных историй, случившихся с этим «всемирно известным и никому не ведомым» поэтом и перемежающихся строками его стихов. Вот, например, отрывок из забавного стишка, с помощью которого легко запомнить русские степени родства. Кстати, помогает.

- Что такое, братцы, шурин?
- Брат жены, запомни, дурень!
- А золовка — это кто?
- Вот башка, что решето...
- Мужнина сестра — золовка...
- Где с водярой упаковка?
- Мы ж сюда не с ночевой.
- Кто поближе там, открой!
- Деверь, деверь, как понять?
- Мужнин брат, ядрена мать!

И так далее.

А вот как вспоминает герой повести о своей газетной работе: «...когда графоманы меня совершенно загнали в угол, нужда заставила найти выход.

«Ваши стихи или рассказы гениальны, но их поймут только в следующем веке», — говорил я или писал в ответ на присланные рукописи. И каждый графоман, как бы воркуя, после этого

замолкал. И только один, и то весьма вежливо, сделал еще одну попытку напечататься.

«А нельзя ли все-таки попробовать в этом веке?» — деликатно спросил он у меня в ответном письме.

«К сожалению, нельзя, — отвечал я ему, — для этого века они слишком гениальны».

И он навсегда замолк, по крайней мере в этом веке».

Универсальный, кстати, способ, можно брать на вооружение даже сегодня: графоманы, несмотря на все перемены в стране и мире, не перевелись. Друг Фазиль Абдуловича поэт Инна Лиснянская тоже изобрела нечто универсальное, чтобы окорачивать графоманов. «Вы гениальны на своем уровне», — писала она им. Фазиль хохотал, узнав про уловку Лиснянской.

Но если бы содержание повести составляли только подобные смешные истории, это был бы не Искандер. Ироничный, а порой и серьезный голос его слышится в неожиданных замечаниях к очередному рассказу героя о приключениях на пути к Государственной премии:

«— Юра, — сказал я шутливо, — ты, оказывается, не великий поэт.

— Почему?! — взревел он.

— Вспомни судьбу великих русских поэтов, — сказал я, — разве у кого-нибудь из них она увенчалась таким блестящим успехом?»

Целую главу составили выданные за высказывания героя мысли и раздумья автора под принципиальным для Искандера названием «Добро первично, и потому роза красива». Это размышления о жизни, о поэзии, о вечных истинах. Для Искандера это все взаимосвязано.

«Если художник, стремясь к беспредельному совершенству своего произведения, подсознательно не надеется, что с достижением этого совершенства начнется кристаллизация гармонии в мире, начнется спасение мира, значит, это не художник! <...>

Бродский в своей Нобелевской речи наряду с замечательными мыслями высказывает крайне наивную вещь. Он говорит,

что эстетическое восприятие мира человеком старше этического. Ребенок начинает воспринимать мир сначала эстетически.

Все наоборот. Ребенок начинает улыбаться прежде всего матери и тянется к ней ручонками, как к источнику добра. Это совершенно очевидно. И уже позже источник добра воспринимается ребенком как источник красоты. <...>

Первичность добра отражена и в самом языке: добро, добротно, то есть хорошо, то есть красиво. <...>

Многие стихи Бродского покоряют обаянием ума, могучими образами, мрачным юмором. Но некоторые вызывают отчуждение и неприязнь. Кажется, так может думать только инопланетянин. Но это не вызывает никакого любопытства, хочется оттолкнуться, быть от них подальше. Нечеловеческое».

Увы, откликов и читателей, и критиков на новые вещи даже любимых писателей, собственно, и не было. Исследователи и до сего дня продолжают придерживаться этой сомнительной традиции: работают в основном с текстами «Сандро» и прозаических вещей раннего Искандера. Поздний Искандер ждет своей очереди.

Причину отношения критики к поздней прозе Искандера, как нам представляется, вполне выразил в 2012 году Владимир Бондаренко, главный редактор газеты «День литературы», заявивший на круглом столе в январском номере «Дружбы народов»: «Уже по старой традиции наградили в этом году премиями и Виктора Лихоносова, и Фазиля Искандера. Хорошие писатели, живые классики, но пора уже место дать молодым».

Вот интересно, кому? И отчего же за десять лет, прошедших с того времени, никакие «молодые», равные по силе Искандеру, не появились? Таланты есть, не спорим, а мощной созидательной силы, хоть в какой-то степени подобной искандеровской, нет.

А вот и Чик

Корпус рассказов и повестей о Чике, маленьком философе из Мухуса, собирался почти тридцать лет. Не зря когда-то

сказал в своей эпиграмме злоязычный пародист Александр Иванов (и Искандер нередко повторял это с удовольствием):

Один рассказ, потом второй...
Считать — напрасно мыкаться!
Чик — замечательный герой:
С ним можно долго чикаться!

И вот в конце девяностых это случилось: шестьсот с лишним страниц походов и размышлений Чика были собраны под одну обложку. Не один-второй текст, а больше двадцати! Если не считать всех вариантов и пересечений сюжетов и героев, выводящих нас далеко за пределы цикла, объединяющего и другие, более локальные циклы, то «канонический» корпус начинается с рассказа «День Чика», опубликованного еще в 1971 году в «Юности». А заканчивается рассказом «Чик и белая курица». Он опубликован — весьма символично! — в самом первом номере журнала «Знамя» за 2000 год. На пороге третьего тысячелетия!

Это, как мы уже писали, не роман, а цикл повестей и рассказов, объединенных «миром Чика». Но, естественно, очень разных — все же между ними тридцать лет!

Про Чика писали, пишут и будут писать, полагаем, много. И писать разное. Несомненно одно — общий смысл, присутствующий в каждом эпизоде.

В чем же он?

Вот мнение нескольких исследователей о том, что самое главное в «Чике».

Марк Липовецкий:

«...естественный ход жизни с ее праздничностью и мудростью воплощен через восприятие центрального героя — мальчика Чика. Однако в этих произведениях гротеск обнаруживается в том, как ложные представления проникают в сознание “естественного” героя (“Мой дядя самых честных правил”, “Запретный плод”), как трудно усваивается отличие “внеисторических ценностей жизни” от навязываемых эпохой фикций

“Чаепитие и любовь к морю”, “Чик и Пушкин”), как интуитивно вырабатываются механизмы парадоксальной защиты от “хаоса глупости” и абсурда (“Защита Чика”), как постепенно, через непоправимые ошибки и муки стыда, приходит умение “понимать время”»⁴.

По мнению Евгения Ермолина,

«...позиция внешнего наблюдения за взрослыми отчасти совпадает с позицией писателя, обеспечивая дистанцию трезвого взгляда. Оттого детское и авторское подчас существуют в нераздельности, Чик выглядит маленьким мудрецом, он разгадывает загадки бытия и производит универсальные выводы, а автор иной раз лишь оговаривается по поводу Чика: “он это знал, но не знал, что знает...”»⁵.

Ольга Козэль проводит интересное сравнение проблематики, волнующей Искандера и Виктора Астафьева: «Главный герой “Рассказов о Чике” попадает в сложную ситуацию, пожалев на базаре обиженного хулиганами старика и попросив о помощи уголовника. Герой В. Астафьева – подросток Толя Мазов — оказывается в не менее сложной ситуации, будучи фактически замешанным в краже выручки у кассира и став свидетелем того, как осиротевшие дети попавшей под суд женщины оказываются в том же детдоме, где живет сам Толя. Любопытно, что оба мальчика поначалу не только не отдают себе отчета в содеянном, но даже чувствуют себя чуть ли не героями: Чик – оттого что сумел-таки отомстить за старика, Толя — оттого что вместе с друзьями совершил ловкий, отчаянный поступок и остался незамеченным. Прозрение в обоих случаях наступает быстро и оказывается горьким — совсем не потому, что вдребезги разбивает “миф”

⁴ Липовецкий М. «Знаменитое чегемское лукавство»: странная идиллия Фазиля Искандера // Континент. 2011. №150. С. 431.

⁵ Ермолин Е. Твердь. Мироздание по Искандеру// Континент. 2011. №150. С. 424.

о собственном “геройстве”, а потому, что в общем-то совестливые, справедливые мальчишки видят страдания людей, случившиеся по их вине.<...>

Таким образом, это прозрение мальчиков-подростков и является главным сюжетным компонентом, которым пользуются оба автора — оно является главным критерием проснувшейся совести и придает повествованию совершенно новый, неожиданный оттенок. Маленькие герои оказываются лицом к лицу с настоящим большим злом — и смело вступают в борьбу с ним.

Тут-то и начинаются расхождения: если Толе удастся полностью исправить зло (он рискует жизнью, но дети кассира возвращаются домой), то у искандеровского Чика такой возможности просто нет — он не может в одно мгновение (а также в два и в три) вылечить израненного, униженного парня — кульминацией рассказа является тот момент, где Чик пытается искупить вину, обмывая кровь с ног раненого (здесь присутствует явная переключка с евангельским “омовением ног”). Таким образом, Ф. Искандер, как и В. Астафьев, подводит своих читателей к идее: добро не может существовать без зла. И для того, чтобы воспитать в подростке нравственные начала, зло необходимо, как воздух»⁶.

Ну а читатели — теперь уже больше сорока лет — просто считают Чика одним из лучших героев-подростков во всей мировой литературе. А цикл о нем — вневременным, универсальным словом, сказанным просто о самом главном.

Последние дни

После семидесятилетия художественной прозы у Искандера становится все меньше. В интервью Ольге Масюкевич («Российская газета» 19 июля 2005 года) он признается, что проза уже

⁶ Козель О. С. Проза Фазиля Искандера. Мирозидение писателя. Поэтика. Диссертация. С. 141-142.

не пишется, иногда появляются стихи: «Говорят, что они с годами уходят, а у меня наоборот: рифмы стали приходить в голову, а вот проза не получается. Пишу о состоянии Родины, о человеке и его старости». Он много читает и перечитывает — в основном классику: «Подростка» Достоевского, лирику Пушкина, а из современных... «Я Бродским очень увлечен: совсем недавно перечитывал», — говорит Искандер интервьюеру.

Дочь Марина стала переводчицей. Сын Александр, Сандро, окончил институт, занимался бизнесом, выпустил неплохую книгу рассказов «Званный ужин». Жаль, что одну. Не хочется гадать, но не в том ли причина, что талантливый Сандрик, столь же благородный и гордый, как его отец, не захотел существовать как писатель в тени «самого Фазиля Искандера». Русская, персидская и абхазская кровь — это серьезно.

Юбилеи Искандера по-прежнему праздновались публично. Многим запомнилось его 80-летие, прошедшее в Центральном доме актера. На нем присутствовали Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина с Борисом Мессерером, Андрей Битов, пианист Николай Петров, мировые звезды балета Екатерина Максимова и Владимир Васильев, Геннадий Хазанов, представший в образе Сирано де Бержерака, кинорежиссер Петр Тодоровский, журналист и светский конферансье Святослав Бэлза. Аркадий Арканов (в стихах!) вспоминал времена «Юности». Пел Юлий Ким. Актеры Авангард Леонтьев и Александр Филиппенко читали отрывки из прозы и стихи Искандера.

Были и мастера искусств, и бизнесмены, и политики, даже тогдашний президент Абхазии Сергей Багапш. Иерей Виссарион Аплиа преподнес юбиляру роскошно изданное Евангелие на абхазском. Об Искандере говорили исключительно как о человеке-легенде и великом русском писателе.

Было почти все «как раньше» — вплоть до банкета и последующего домашнего застолья «для своих».

Это было, по сути, последнее участие Искандера в столь многолюдном мероприятии. За следующие пять лет ушли из жизни почти все его друзья и знакомые, просто многолетние собеседники. Через год после того юбилея — Белла Ахмадулина и Андрей Вознесенский. В 2012-м — Станислав Рассадин, в 2014-м —

Бенедикт Сарнов. Еще раньше — Виктор Астафьев, Василий Аксёнов, Семён Липкин, Инна Лиснянская...

Казалось, теперь ему приходится отвечать за них за всех. В прямом смысле слова: интервью Искандера в последние годы его жизни многочисленны. Нередко он появлялся и на экранах телевидения. Это не говоря о нескольких больших документальных фильмах, снятых о нем.

Но не было уже прежнего веселья и легкости общения в доме на Ленинградке. Умер Анатолий Приставкин, уехал в Италию Андрей Мальгин. Коммуна литераторов понемногу стала распадаться. Фазиль и Антонина Михайловна вынуждены были отказаться от большой квартиры, чтобы выделить жилье подростку сыну Александру, и вернулись «на “Аэропорт”», где прошла их юность.

В ноябре 2008 года в их скромную двухкомнатную квартиру пришла съемочная группа популярной программы «Пока все дома». В кабинете Фазиля — в святая святых, куда ранее посторонних, да и членов семьи допускали только по особым случаям, — телевизионщиков встретили Фазиль, Антонина Михайловна, Марина и ее сын Женя. Говорили в основном о прошлом — Антонина Михайловна солировала, Фазиль вставлял веские, но очень краткие реплики. Потом рассказывал, медленно, не без труда подбирая слова, об отце и матери.

На одном из последних своих появлений на ТВ в легендарной программе «Старая квартира» (за которую сосед Фазиля Виктор Славкин получил премию ТЭФИ-1998) Искандер отпил вина из огромного рога (весь допивать не стал), произнес заранее подготовленный тост — пожелал всем пережить капиталистический козлотуризм, так же как пережили козлотуризм социалистический. Держался он бодро, хотя речь была замедленной. Это вполне могло сойти за мудрость аксакала — говорить, взвешивая каждое слово. А может быть, так оно и было.

В 2011 году вышло в высшей степени необычное издание — книга стихов «Снег и виноград. О любви и не только», сборник Фазиля и Антонины Искандеров. Когда они поженились, Фазиль и не подозревал, что его невеста пишет стихи с самого детства. Призналась она ему в этом только через несколько лет, уже после рождения дочери. Особого восторга глава семьи

тогда не выказал, да и самостоятельной литературной карьеры Антонина Михайловна делать не собиралась. Издание 2011 года не просто литература — оно, скорее, о любви и опыте семейной жизни на протяжении полувека. Не случайно в оформлении использовались детские рисунки дочери Фазиля и Антонины Михайловны Марины.

Искандер включил в сборник стихи, которые он слал Антонине в Москву. Стихи яркие, восторженные и, конечно, неординарные.

Ты говоришь: «Никто не виноват,
Но теплых струй не вымолить у рек.
Пускай в долинах давят виноград,
Уже в горах ложится первый снег».

Я говорю: «Благодарю твой смех».
Я говорю: «Тобой одной богат.
Пускай в горах ложится первый снег,
Еще в долинах давят виноград».

А вот что отвечает ему поэт Антонина Искандер:

Замереть под твоею рукою
Защититься, простить, забыться...
Я покрепче глаза закрою,
Чтоб в спасительном сне очутиться.

Где минувшие наши лица
С настоящим играют в жмурки.
Но страшусь, что всё повторится
В этих звуках — откуда? — мазурки.

Где вся в белом мерцает невеста,
Мир предчувствием сладким окутан...
Сон споткнулся, с реальностью спутан.
В том исчезнувшем мире нет места
Неурядицам нашим и смутам.

Повторим и запомним:

Я говорю: «Благодарю твой смех».

Я говорю: «Тобой одной богат».

Как писала в предисловии к сборнику поэт и давний друг семьи Тамара Жирмунская, «каждый вычитает в этом стихотворении свое сокровенное. Я слышу в нем здравицу во славу неувядаемости чувств».

Антонина Михайловна, выйдя на пенсию, не расставалась с мужем, кажется, ни на минуту. Последние интервью они давали неизменно вместе. Говорила в основном Антонина, Фазиль изредка вставлял несколько односложных слов.

Один из авторов этой книги, многие годы друживший с Фазилем (Искандер даже стал одним из персонажей его сборника бесед с именитыми шестидесятниками «Мой знакомый гений»), пытался выяснить у него, как он оценивает современную жизнь и литературу, как относится к новым прозаикам и поэтам, которых интеллигентная публика сочла новыми литературными звездами. Фазиль, благожелательно улыбаясь, попросил задать эти вопросы в письменной форме. Суперкраткие ответы были такие: «да», «нет», «ничего об этом не знаю».

За полгода до смерти Фазиля Абдуловича давний и верный друг их семьи журналистка Лидия Графова, не раз интервьюировавшая Искандера, писала в «Российской газете»:

«К сожалению, теперь Искандер ничего не пишет. Исчез теперь его звонкий, искристый смех, но осталась прежняя доброжелательная улыбка. Когда у него просят автограф, пишет, как и раньше, почти всем одинаково кратко: такому-то ... “по-братски”. Даже совсем незнакомым людям всегда — “по-братски”. В свое время меня сместило это однообразие, теперь вижу в нем смысл: для Фазиля и в самом деле все люди — братья, и это у него совершенно искренне.

Но почему же писатель, для которого творчество и есть жизнь, давно молчит? Старость? Болезни? Конечно, здоровье у Фазиля не “кавказское”. Но я знаю его на протяжении 40 лет и смею утверждать, что у его молчания есть более серьезная, не физиологическая, а духовная причина. Он ведь так много важного сказал людям, а его, получается, не услышали.

Не так давно Фазиль сделал некоторые записи в дневнике, но потом все вымарал: “Не хочу писать хуже, чем я писал”. А давно когда-то он обронил загадочную фразу: “Надо выпасть из жизни, чтобы впасть в мысль”. Он и раньше жил с головой в творчестве, вне быта, а теперь, когда творчества у него нет, чем же и как он живет? Только мыслями о вечном?»⁷

«Выпасть из жизни, чтобы впасть в мысль». А услышали — не услышали... Кто может быть твердо уверен, что был услышан современниками, не говоря о потомках? Причем услышан и понят правильно? Икона западной литературы Джеймс Джойс с его перекрученным от сложности «Улиссом» и окончательно безумными «Поминками по Финнегану» с заимствованиями из семидесяти языков? Конгениальный ему наш Андрей Платонов с его «Котлованом» и «Чевенгуром», которые, по его убеждению, исповедовали «правильный коммунизм», но были приняты недалекими правителями Советской страны да и просто читателями за яркую антисоветчину? Или, может, классик М. Ю. Лермонтов, которому Бог дал возможность написать «Выхожу один я на дорогу...», а черт подсказал строки поэмы «Гошпиталь». Прав, прав был Фазиль Абдулович!

Это не было забвением. Искандер присутствовал в литературе и культуре как незыблемый авторитет. Подумаешь: а такой-то ведь еще жив, слава Богу! И как-то легче на душе становится... Завидная старость!

Последние годы он почти безвыездно жил на даче в Переделкине. В Абхазии бывал не часто. Уже знакомый читателю Руслан Джопуа говорит об этом так:

«Я с детства наблюдал за людьми, которые стареют, и всегда считал, что это красивый период в жизни. Сам Фазиль немного стеснялся своего возраста, и когда его супруга Антонина Михайловна просила его поехать в Абхазию, он говорил, что уже плохо

⁷Графова Л. Поэзия дома // Российская газета. 2016. 3 марта.

⁸Джопуа Р. Гигант с львиными повадками. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru..>

видит, слышит, и его и так всегда упрекали в том, что он мало кого узнает. Конечно, было очень печально наблюдать, как такой гигант стареет»⁸.

В Переделкине Искандер любил гулять, общался с переделкинскими друзьями: литературоведом и публицистом Юрием Карякиным, поэтом Олегом Чухонцевым, с выдающимся лингвистом, семиотиком и антропологом Вячеславом Всеволодовичем Ивановым, критиком Натальей Ивановой, соседом по даче Константином Скворцовым. Принимал участие в мероприятиях, которые устраивал переделкинский музей Окуджавы, открытый на общественных началах в 1998 году, а в 1999-м ставший государственным. В последние годы сам дойти уже не мог, его подвозили.

В Переделкино он неизменно и охотно возвращался из московских больниц, пациентом которых он становился все чаще и длительнее. Переделкинская жизнь, говорила Antonina Михайловна, продлила дни Искандера.

Ну, а последние месяцы Искандер редко выходил из своей дачи. Даже почти ничего и не читал. Antonina Михайловна была постоянно с ним.

Как вспоминала после смерти Фазиля Людмила Улицкая, «Я думаю, что всему свой приходит час, и мне кажется, что он уже к этому был готов. Я в последний раз видела его около года тому назад, заходила к нему домой, улыбка прекрасная, взгляд прекрасный, он уже почти не разговаривал, как-то он уже ушел от этого мира. Так иногда случается. Это далеко не самый худший вариант, когда человек уходит, уходит, уже уйдя».

31 июля 2016 года все было кончено. Накануне грянула небывалая гроза, о которой в Переделкине вспоминают до сих пор — у многих сгорели телевизоры, ноутбуки. Искандер умер тихо, во сне, и как будто с тем же достоинством, которое всегда было с ним. Накануне чувствовал себя неплохо, потом просто уснул и не проснулся. Диагноз был прост: острая сердечная недостаточность. Все-таки восемьдесят семь лет...

В тот же день к семье Искандера обратился президент РФ Владимир Путин.

«Уважаемые Антонина Михайловна, Марина Фазильевна, Александр Фазильевич, искренне разделяю огромную горе, постигшее вашу семью. Прошу принять слова глубокого соболезнования и поддержки.

Кончина Фазилия Абдуловича Искандера — большая, невосполнимая утрата для России, для всех нас. Фазиль Абдулович останется в нашей памяти выдающимся писателем и истинным гуманистом. А его книги, близкие и понятные людям разных национальностей и культур, всегда будут нести свет доброты, справедливости, веры в высокое предназначение человека», — говорилось в соболезновании президента.

И не поспоришь. Да и надо ли?

Прощались с Искандером в Центральном доме литераторов. Были официальные лица: министр культуры РФ Владимир Мединский, президент Абхазии Рауль Хаджимба и даже посол Ирана в РФ Мехди Санаи (вспомнили о происхождении!). Было много коллег-литераторов и один из последних той когорты — Евгений Евтушенко, ушедший через год. И были люди, знакомые с Фазилем только по его книгам. Под аплодисменты и проводили его в последний путь на Новодевичье кладбище.

Диалог авторов

Евгений Попов: Да, на моих глазах это происходило. Фазиль не дряхлел, а как бы окутывался неким туманным саваном вечности.

Немногословен. Постоянно включен ноутбук, но картинка на рабочем столе одна и та же. Курит не переставая. Так вот и любимый им Бродский курил — одну за одной.

Говорили, что Искандер хотел быть похороненным на кладбище в знаменитом писательском Переделкине. Не совсем так. Он не думал о смерти, избегал этой темы, но, когда однажды во время очередного застолья вдруг возник популярный среди пожилых литераторов спор о том, какое московское кладбище лучше — Троекуровское, Ваганьковское или иное, Фазиль, по рассказу Антонины Михайловны, остановил спорщиков резонными

словами: «А чем вам здесь, в Переделкине, плохо? Что может быть лучше, чем лежать в одной земле с Борисом Леонидовичем?» В виду, конечно же, имелся Борис Леонидович Пастернак, это в Переделкине никому не нужно было объяснять.

Однако похоронили его в самом престижном месте страны — на Новодевичьем, 2 августа 2016 года, после отпевания. Известно, с каким трудом нашлось там место Василию Шукшину, которого сначала хотели похоронить на неприметном Введенском, бывшем Немецком кладбище, и даже могилу приготовили. Но вмешался всесильный председатель Совета Министров СССР Алексей Косыгин и в одночасье решил посмертную судьбу великого режиссера, актера и писателя. А Антонина Михайловна рассказывала нам, что в день смерти Фазиля к ней пришли представители Московской абхазской диаспоры с предложением похоронить усопшего в Сухуми за счет абхазского правительства с соответствующими пышными церемониями. Антонина Михайловна твердо ответила: «Нет, никогда! Фазиль любил свою родину, но как писатель и личность состоялся в Москве». Диаспора вняла этим аргументам, и скорее всего именно ее посланцы, пользуясь своими связями в верхах, и «пробибли» Новодевичье. Что ж, вполне благородно, гуманно, честно, за что им низко кланяются все, знающие, кто такой Фазиль Искандер, что сделал он для величия Абхазии и России.

В Абхазии в этот день был объявлен траур. В Москве плакали и грустили все любившие Мастера.

Через год после его смерти на могиле был установлен памятник. На памятнике Фазиль молодой, в таком неформальном «шестидесятническом» свитерке, взгляд устремлен вверх — то ли в сторону родных гор, то ли в неведомые для нас, оставшихся здесь, дали...

Михаил Гундарин: Я прочитал, что основой памятника стал скульптурный портрет Фазиля, выполненный абхазским скульптором, дочерью революционера и первой тифлисской красавицей Мариной Эшба с натуры еще в 1966 году, когда Фазилю только-только исполнилось тридцать семь лет.

Е. П.: Да, здесь тоже всё случилось не без вмешательства ВИС-ШИХ сил. Антонине Михайловне не нравились все предлагаемые

варианты памятника. Они казались ей помпезными, неживыми, и однажды бессонной ночью она вспомнила, что много-много лет назад, когда ей было всего года двадцать четыре, первая женщина-скульптор в Абхазии Марина Эшба уговорила Фазиля позировать ей. Искандер отчаянно сопротивлялся, утверждая, что ему будет скучно СИДЕТЬ И НИЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ. Он согласился только тогда, когда Тоня пообещала, что во время сеансов она будет читать ему вслух его любимого Бабеля. У Марины Эшба, заслуженного деятеля искусств Абхазии и Грузии, была бурная жизнь, она умерла в 2002 году. По просьбе Антонины Михайловны ее родственники отыскивали бюст Фазиля, выполненный из гипса, но, к счастью, сохранившийся. Нашли его в каком-то подвале, полузатопленном во время абхазо-грузинской войны.

Мастера из Москвы отреставрировали и отформовали бюст, а затем отлили его в бронзе.

М. Г.: Дивная история! Я вдруг подумал о том, что шестидесятники, вместе проживавшие свои жизни, и после смерти оказались недалеко друг от друга. Белла Ахмадулина на Новодевичьем рядом с Фазилом, метрах в ста от нее Андрей Вознесенский. Булат Окуджава и Василий Аксенов — на Ваганьковском. Евтушенко велел похоронить себя в Переделкине, «у Пастернака»...

Е. П.: Не хотелось бы заканчивать книгу на такой грустной ноте. Но вообще-то, как известно, жизнь вечна, пока мы ПОМНИМ. Это, наверное, главное, чему научил нас Фазиль? Ведь правда?

М. Г.: Правда.